

ВСЕ в жизни Пелагеи Стрепетовой словно нарочно сочинено для романа.

Великая трагическая актриса, она и сама шла навстречу трагическим испытаниям — творческим, человеческим, общественным.

Ее биография полна резких и неожиданных столкновений, внезапных конфликтов, таинственных совпадений. Кажется, действительность сама позаботилась о том, чтобы на каждом жизненном перекрестке, с первой минуты появления на свет подстроить непредвиденные и глубоко драматичные повороты.

Ее творческий облик сложился неправдоподобно рано.

В семь лет она впервые вышла на сцену. Ей не исполнилось и пятнадцати, когда она стала профессиональной артисткой. В шестнадцать на крохотной сцене похожего на сарай летнего Рыбинского театра она случайно сыграла Лизавету в «Горькой судьбине» Писемского. Роль, которой суждено было стать главным спутником всей творческой жизни.

Еще через три года, в возрасте,

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

когда другие еще осматриваются и выбирают, Стрепетова вернулась к «Горькой судьбине» в Самарском театре, и уже тогда успех спектакля отозвался далеко за пределами волжского города, посеяв слух о рождении небывалого сценического таланта.

Ей было двадцать три, когда ее объявили новым светилом русского драматического театра. Когда ее выступления ждали как крупного общественного события. Когда ее единодушно окрестили чудом, назвав ее игру гениальной. Но ей еще не было тридцати двух, когда те же газеты сообщили, что актриса слишком стара для своих ролей.

Это было чудовищно по несправедливости.

Несправедливости подкарауливали ее на каждом шагу. Уже широко признанная и знаменитая, в пору,

когда провинция и обе столицы носили ее на руках, она оставалась актрисой без постоянной службы и своего театра. Когда же она попала наконец на казенную сцену, о которой мечтала, главная тема актрисы была высказана, и ее талант объявили перегоревшим как раз тогда, когда он достиг зрелости.

Лучшие художники ее времени писали и рисовали ее. Репин, увлеченный необычайным своеобразием натуры и находивший ее прекрасной, возвращался к ней много раз. Потом он создал свой удивительный, едва ли не лучший у него по живописи, «Портрет трагической актрисы Стрепетовой». Крамской говорил о чертах, «делающих ее не только интересной, но и замечательно красивой и привлекательной». А в десятках карикатур и вульгарных шаржей, как и в печатных пасквилях, грубей-

шим образом измывались над погрешностями фигуры, над существующими и выдуманными женскими недостатками.

Она страстно и жертвенно служила искусству. За то, что она не подстраивалась ни под чьи вкусы и не признавала никаких компромиссов, ее обвиняли в неуживчивости и повсюду распространяли молву об ее дурном, нетерпимом характере.

Но она действительно бывала порой нетерпима. В ней жило много противоречий. И они усложняли ее и без того нелегкое существование.

Ее искусство было бунтарским, ниспровергающим, порой революционным. Но, религиозная до фанатизма, она запутывалась в предрассудках. Их власть над ней была иногда смешной. Но могла быть и страшной.

Она много любила. Любила преданно, пылко, самозабвенно. Но любя, часто терзала и себя, и других. Она не понимала, что можно видеть какие-то вещи не так, как видит она, что к разным явлениям жизни можно относиться по-разному. Поэтому человек, которого она любила больше всех, после долгой борьбы чувств ушел от нее. Второй, тоже

любимый по-настоящему, добровольно оборвал свою жизнь выстрелом в висок. И участь второго повторил сын, которого Стрепетова боготворила.

Ее славе мог позавидовать любой, даже очень талантливый современник. Но она пережила свою славу, и это стало источником незаживающей боли, не оставлявшей ее до самого конца.

Она прожила пятьдесят три года и умерла в день своего рождения. Умерла, полузабытая ровесниками и неизвестная младшим современникам.

По существу, она умирала дважды.

Первый раз — вместе со своим искусством. После двадцати лет невиданной славы оно оказалось ненужным и ушло со сцены раньше, чем ушла из жизни актриса Стрепетова.

Но пока она жила, она никогда не знала обывательского покоя, не мирилась с самодовольством и сытостью. И в удачах, так же как в заблуждениях, она не умела остановиться на полдороге, чтобы расчитать силы или предусмотрительно выбрать то, что полегче и выгоднее.

И в тяжелом и в радостном она доходила до крайней черты, тратилась вся, ничего не приберегая на завтра.

Но тяжелого было больше, слишком много для одного человека.

Трудности подстерегали уже вначале.